

Бондаренко, В. Он сражался за родину! // Завтра. – 2005. – 25 мая

ТИХО И НЕСПЕШНО НАДВИГАЛСЯ на нас юбилей самого великого писателя XX века — Михаила Александровича Шолохова. Конечно, в день юбилея покажут что-то по телевидению, может, даже наш президент слетает на пару часов в Вешенскую и скажет своё витиеватое короткое слово. Как положено, перегордят станицу Вешенскую тройным кольцом ОМОНа, и никакой народ, никаких казаков, никаких писателей, никаких почитателей его таланта не подпустят и за версту. И руководить этим официозным действием будут те самые чиновники и либералы, люто ненавидящие юбиляра, немало крови попившие из него при жизни. Ни памятника русскому национальному гению в центре Москвы, ни нового шолоховского сериала, ни мировых премьер не предвидится. Да и что может сказать о Михаиле Шолохове наш президент, если он давний и ревностный поклонник порнографии Виктора Ерофеева и разудалой русофобии Дмитрия Пригова, если возлюбленные им литературные чернушники, привезенные Путиным за государственный счет в Париж, обласканные им при личной встрече, все, как один, воротят нос от Михаила Шолохова, хулят его уже не один год на всех углах и письменно и устно. Ей-Богу, нельзя любить одновременно ерофеевский "Век п-ды" и шолоховский "Тихий Дон".

Я был уверен, что одних русских писателей приедет на юбилей не меньше сотни, готовился выехать и сам. Нет, оказывается, никакой делегации русских писателей на праздновании шолоховского юбилея не планируется. А приехавших самотёком русских писателей будут отшивать так же, как отшивали от центра Москвы приехавших самотёком ветеранов Великой Отечественной войны. Боятся, как бы шолоховский юбилей не стал началом нового русского возмущения.

Всерьез к юбилею Михаила Шолохова явно не готовятся. Всенародного празднования не будет. Не тот писатель. Михаила Шолохова более всех русских писателей инстинктивно и в советское и в постсоветское время ненавидят все чиновники и партийные вельможи. Одновременно его также инстинктивно ненавидят либералы и демократы всех мастей. Поток ненависти со всех сторон. Так же, как и к самому русскому народу. Думаю, дело даже не в том потоке лжи и вымысла, который уже с двадцатых годов обрушился на нашего народного гения. Шолохов по разным причинам был неприемлем для многих — от диссидентов до партийных властей. От него уж очень отдавало той самой народной русской правдой, которая никогда и никому из нашей элиты не была нужна. Даже когда наша интеллигенция воюет с нашей властью (как в наши дни, к примеру), интересы народа остаются в стороне. И чем живёт русский народ, как правило, не интересуется ни власть, ни интеллигенцию. Что бы ни говорили и ни писали, а талант великого Михаила Шолохова всегда был наособицу. В XX веке в России тоже хватало и гениев и крупных дарований в литературе. Михаил Булгаков и Владимир Набоков, Леонид Леонов и Максим Горький, Алексей Толстой и Александр Фадеев, Константин Паустовский и Константин Симонов (ряд можно легко продолжить) — все эти крупные русские писатели писали об интеллигенции и для интеллигенции. Иногда для власти. Но никогда о народе и для народа. Писатели социального заказа, такие, как Александр Фадеев, Всеволод Вишневский (беру самых крупных и по-настоящему талантливых, иных — навалом), пробовали писать о вымышленном народе, о преображенном советском народе. Михаил Шолохов будто бы и не писал, его образы возникают помимо письменного текста, как часть глубинной народной жизни. Он и был народным гением. Иных нет и не могло быть. Лишь кому-то одному дано свыше право создать навсегда народный эпос. Я бы рядом поставил в прозе лишь Андрея Платонова, который своей корявой немотой, корявым простодушием ещё раз уточняет шолоховские эпические откровения. Кстати, и герои "Поднятой целины", от фанатика "мировой революции" Макара Нагульнова до Семёна

Давыдова и даже деда Щукаря, близки своим пониманием мира платоновским героям "Котлована". Правда, Андрей Платонов не вбирал в себя, в свою прозу всё течение народной жизни. Он был большим мечтателем, и как всякий мечтатель — не столь природен, не столь объективен. Скорее он писал свои народные утопии, которые уже, помимо автора, иногда становились антиутопиями. Скорее Андрей Платонов и по жизни был близок по характеру с Макаром Нагульновым, в то время как самого Михаила Шолохова я бы сравнил по характеру с Григорием Мелеховым. Вот почему за правду Григория Мелехова автор дрался до конца даже с самим Иосифом Сталиным. И — победил. Несмотря на давление Александра Фадеева, Алексея Толстого и Максима Горького. Литературного героя он, может быть, ещё и поправил бы, под таким мощным давлением и власти и коллег по литературе. Хотя бы намекнув на его уход к большевикам. Себя поправлять Михаил Шолохов не желал ни при каких обстоятельствах. Он всю жизнь, как и его герой Григорий Мелехов, шёл в своих действиях до конца. Вешенский затворник прожил, как и его герой Григорий Мелехов, никогда и никому не сдаваясь, ни левым, ни правым. Так и остался с народом. Своей жизнью в Вешенской он дал пример и другим — Фёдору Абрамову, Валентину Распутину, Евгению Носову, Василию Белову... В XX веке России даны были в прозе два гениальных летописца, художественных хроникера — Михаил Шолохов и Андрей Платонов, но настолько разные по стилистике и художественным приёмам, дабы не мешали друг другу. Вот они и дружили, помогали друг другу. Всё остальное шло — от лукавого. Всё остальное — зрелые плоды умной и талантливой, скептической и иронической интеллигенции.

То же и в поэзии, от Марины Цветаевой до Бориса Пастернака — всё это прекрасная и великая поэзия для избранных любителей словесности. И также наособицу ещё один народный русский гений — Сергей Есенин.

И на веку лишь два абсолютных народных русских гения — Михаил Шолохов и Сергей Есенин. Певцы во стане русского народа с явным моцартианским началом. Потому, естественно, такая зависть, такая ревность и к тому, и к другому как при жизни, так и после смерти. Большие писатели старались сдерживать свою ревность. Обходились в их адрес общими словами или едва заметным скептицизмом. Лишь в конце XX века эта ревность открыто прорвалась у Александра Солженицына, казалось бы, до этого незамеченного в любви к литературоведению. Думаю, очень уж старший земляк давил на него грузом "Тихого Дона". Впрочем, в каком-то смысле тяжесть "Тихого Дона" давила на всю русскую советскую литературу, так же, как в своё время тяжесть "Войны и мира". Слабые писатели стали старательно под копирку переписывать "Тихий Дон" или хотя бы "Поднятую целину", создавая по всей стране, от Архангельска до Владивостока свои областные варианты народного эпоса. Литературные великаны сражались по-своему, лишь обогащая русскую литературу. Что такое "Хождение по мукам" Алексея Толстого, "От двуглавого орла к красному знамени" Петра Краснова, " Жизнь Клим Самгина" Максима Горького, "Доктор Живаго" Бориса Пастернака, как ещё одна попытка воссоздания народного эпоса?

КОНЕЧНО ЖЕ, ВЛИЯНИЕ НА РУССКУЮ литературу XX века Михаил Шолохов оказал громаднейшее, более, чем кто-либо другой. Весь XX век русские писатели любых взглядов и направлений творили, оглядываясь на шолоховские глыбы. Если честно, то и Александр Солженицын как писатель вырос под явным влиянием творчества Михаила Шолохова. А "Красное колесо" — это не есть ли ещё одна попытка создать заново русский эпос, переосмыслить тот же "Тихий Дон"? К такому творческому соревнованию я отношусь исключительно позитивно. Если бы весь спор с Шолоховым шёл таким творческим образом, ничего, кроме пользы, русская литература бы не получила. В конце концов, а весь наш золотой девятнадцатый век не есть ли творческий спор между

русскими гениями?

Слабые писали под копирку свои копии, а сильные состязались, иногда осознанно отдаляясь от Михаила Шолохова, чтобы не попасть под его влияние. Да и великая наша деревенская проза и окопная правда не возникли разве как продолжение народной эпопеи Шолохова? И двадцатый век русского простонародья, начавшись великими именами Сергея Есенина и Михаила Шолохова, не продолжился ли совершенно органично повестями и романами Василия Белова и Евгения Носова, Виктора Астафьева и Юрия Бондарева? Как личности, они все разные, да и стилистика у них у каждого особая, никакой зависимости. Но народ-то русский был один и движение народной жизни, начавшись в XX веке на полях первой мировой войны, закончилось с последними поклонами и прощаниями с родимыми Матерами и родимыми Матрёнами. Дальше начался великий разлом, продолжающийся до сих пор, и какой народ выйдет из него, таков и новый эпос будет. Пока же — не время эпоса, ибо нынче не видно движения самого народа, без которого эпос существовать не может.

Движение русского эпоса, как движение самой народной жизни. Пожалуй, этот шолоховский эпос реально закончился лишь в конце XX века. Завершилась ли реальная русская жизнь?

Вот поэтому нет никакого преувеличения в том, что XX век называют веком Михаила Шолохова. Это и был шолоховский литературный мейнстрим. А рядом по своим тропинкам и просекам развивались иные литературные традиции: Булгакова и Зощенко, Андрея Белого и Алексея Ремизова. Набокова и Замятина. Всем хватало места. Но жизнь русского народа всё-таки определялась скорее по "Тихому Дону" и "Поднятой целине", нежели по "Белой гвардии", "Золотому телёнку" или же "Хождению по мукам". Его "Тихий Дон" всё-таки вобрал в себя всю Россию, все её народные переломы и трагедии, печали и надежды. Он настолько естественно и органично передал уклад жизни русского казачества, укрупнил этот уклад всечеловеческими мотивами любви и ненависти, добра и зла, что сделал его близким всему человечеству. Лишнее подтверждение того, что только национальный художник может передать через родные и близкие ему образы боль и радость всего человечества.

Можно поражаться той стойкости, с которой Михаил Шолохов отстаивал перед цензорами и редакторами своих героев. Но если увидеть в них, в Григории Мелехове и Аксинье, в Мишке Кошевом и Прохоре Зыкове, в Митьке Коршунове и Ильиничне, в купце Мохове и сотнике Листницком, не только казаков и жителей отдельной станицы, не только яркие типы казачества, но и всю сдвинувшуюся с места Россию, всё её прошлое и будущее, мы поймем, что с "Тихим Доном" наконец Россия получила свой законченный национальный миф. Свою "Калевалу", свою "Илиаду". В двадцатом веке, пусть в ином, более фантастическом виде, лишь Джон Толкин сотворил столь же полноценный англо-саксонский миф. Последний миф белой цивилизации.

Для меня продолжением этого национального мифа, во всей полноте представляющего и русскую историю XX века, и галерею русских национальных характеров стала "Поднятая целина", абсолютно незаслуженно задвинутая в тень даже защитниками таланта Михаила Шолохова. Уверен, пройдет ещё время, уйдут в прошлое все мелкие идеологические споры, и новые читатели прочтут "Поднятую целину" уже как высшую народную национальную правду тридцатых годов. Как в "Тихом Доне" писатель Шолохов не был ни белым, ни красным, увязывая казачьи интересы с русскими национальными интересами и с присущей ему социальной справедливостью, так и в "Поднятой целине" Михаил Шолохов остается со своим народом. Пусть за "Тихий Дон" его кто-то считал чересчур

белым, пусть за "Поднятую целину" его, наоборот, посчитали красным, он был всегда русским национальным писателем. За это, думаю, его и ненавидели со всех сторон. Когда станет очевидной уже неполитизированная художественная правда "Поднятой целины" улягутся поневоле и последние мелкие споры об авторстве. Для этого надо всего лишь принять правду о двух великих книгах. Или и "Поднятую целину" спешно кому-нибудь ещё отдадим?

Эй, кто там ещё не утихомирился? Возьмите и напишите свою "Поднятую целину" хотя бы о нынешнем времени, с такими же яркими национальными характерами. Что-нибудь равное ей можно поставить в прозе советского времени о колхозной деревне? И разве Лушка и Варюха-горюха уступают по яркости изображения Аксинье и Наталье? Нет уже в "Поднятой целине" Григория Мелехова или героя, подобного ему, но и здесь великий писатель прав, таких, как Мелехов, уже и по жизни не должно было быть в станице тридцатых годов. Или в эмиграции, или в могиле или в сибирской ссылке. Но это уже другая проза и другая правда. Каждое время рождает своих героев, у каждого времени свои радости и трагедии.

Он и сам — Михаил Александрович Шолохов — великий русский национальный миф. Такой же, как Шекспир и Данте, Бальзак и Гёте, Мишима и Сервантес, Байрон и Руставели. Его и не любят все наши враги, потому что он, как никто другой, более, чем Королёв или Туполев, защитил от врагов саму Россию.

Замыслом великого "Тихого Дона" он опередил и своё время, а может быть, не просто дал в руки Иосифу Сталину самое мощное для народа оружие против троцкизма, но и внедрил своей книгой в сознание вождя саму идею поворота к государственному строительству, к национально-большевистской концепции власти. Кто знает, смог бы Иосиф Сталин без всенародной поддержки читателей "Тихого Дона" справиться с крайне сильными троцкистскими настроениями в партаппарате и органах НКВД? Что он мог противопоставить всё ещё популярной и в тридцатые годы теории перманентной мировой революции? Помните стихи Михаила Кульчицкого "Но мы ещё дойдем до Ганга... Чтоб от Японии до Англии / сияла родина моя". Написаны перед самой войной. И настроения в народе о войне на чужой территории идут не от сталинской концепции построения единого государства. А всё от тех же троцкистских концепций. Лишь "Тихий Дон" без всякой идеологической окраски, с природной художественной цельностью вел своего читателя к народному единению, русскому соборному возрождению общества.

ИОСИФ СТАЛИН СПАС НЕ ТОЛЬКО РОМАН "Тихий Дон", предложив к печати крайне острую третью книгу эпоса, посвященную восстанию казаков, несмотря на многочисленные протесты своего окружения, в том числе и литературного. Иосиф Сталин спас самого Михаила Шолохова от ареста и гибели.

Кстати, интересно, а если бы тогда, в 1937 году, не удалось Михаилу Шолохову чудом тайно выехать в Москву, если бы он был арестован и мгновенно уничтожен (как не раз бывало в те времена. И, увы, ни о каком сталинском всеисилии говорить нельзя. Расстреляли бы, и Сталин, возможно, даже не знал бы...), что бы сейчас писали все шолоховские враги? Пользовалась бы тогда успехом эта нагло раскрученная, насквозь лживая версия о мнимом авторстве? Или к жертве 1937 года наши либералы и западники отнеслись бы бережливее? Вот бы и написал кто-нибудь модный нынче роман об альтернативной истории Шолохова, якобы автор расстрелян, роман "Тихий Дон" запрещён, кому бы пришла слава в период хрущёвской оттепели?

Во-первых, эта подробно описанная история с его возможным арестом подтверждает, что, увы, и в 1937 году, минуя Сталина, на местах творилось немало беззаконий, с вождём никак не связанных.

Во-вторых, меня поражает мистическое предчувствие Иосифа Сталина будущей истории России. Поражает его глубинное понимание литературы, которого напрочь лишены все политики нынешнего времени. Казалось бы, какое ему дело до судеб казачества. Так же, как до стихов Пастернака или Мандельштама. Вождь мировой державы находит время для чтения. И понимает всю мощь этого эпоса. Если бы Пастернак на вопросы Сталина о Мандельштаме отвечал столь же искренне и мужественно, как Шолохов, говоря о судьбах голодающих станиц, может быть, и у Мандельштама сложилась другая судьба? Художник и власть — это тоже мировая и вечная проблема. И не всегда даже прекрасные художники вели себя достойно в объятиях власти или в её кандалах.

Иосиф Сталин встречался с писателями и читал новые книги гораздо чаще, чем кто-либо другой из его последователей в российском руководстве. По крайней мере, он, несомненно, первым разглядел национальное величие "Тихого Дона".

В каком-то смысле шолоховский эпос — это и вечная история России с её стремнинами и водоворотами, с её плавным течением, безмерной ширью и резкими разворотами своей судьбы.

Так начинается великий эпос: " В предпоследнюю турецкую кампанию вернулся в хутор казак Мелехов Прокофий. Из Туретчины привел он жену — маленькую, закутанную в шаль женщину... Пленная турчанка сторонила родных Прокофия, и старик Мелехов вскоре отделил сына. В курень его не ходил до смерти, не забывая обиды..."

Сразу, с самого начала романа все беды и горести обрушиваются на семью Мелеховых: турчанку забивают земляки до смерти, видя в ней виновницу падежа скота. Прокофий, отсидев двенадцать лет на каторге за убийство батарейца Люшни, взбаламутившего народ на турчанку, вернулся в родной хутор, стал растить сына Пантелея. Потом уже и пошли по хутору диковато-красивые турецко-казачьи казаки Мелеховы. Не таков ли и финал эпоса: Григорий Мелехов, вернувшийся из банды, бородатый и страшный на вид, встречает своего сына Мишатку.

"Потом Григорий взял на руки сына... Что ж, вот и сбылось то небольшое, о чём бессонными ночами мечтал Григорий. Он стоял у ворот родного дома, держал на руках сына. Это было всё, что осталось у него в жизни. Что пока ещё роднило его с землей и со всем этим огромным, сияющим под холодным солнцем миром". Прокофий с маленьким Пантелеем в начале романа, Григорий с маленьким Мишаткой в самом конце. Конец становится началом, начало определяет конец. Так закольцовывается великий русский эпос. Так закольцовывается вся русская история.

И как бы печально ни сложилась судьба в будущем у Григория (а судя по судьбе прототипа Мелехова —Харлампия Ермакова, хорошей она уже быть не могла), рос Мишатка уже в новой жизни, в новом окружении, в новой действительности, с дядей Мишей Кошевым, и с ним росла новая советская Россия. И дай Бог Мишатке, будущему воину, уцелеть в Великой Отечественной войне. Так один виток за другим идет живая история России. И как бы трагически ни заканчивался очередной виток истории, но хватает лишь одного Мишатки или Пантелея, чтобы зарастало прошлое с кровью и обидами, и росло новое, с новой, вечно возрождающейся Россией. В этом я вижу отнюдь не трагический, а жизнеутверждающий финал романа. Может, и сейчас, после всех

трагических перестроечных лет, где-нибудь в донской степи шагает усталый Григорий или Михаил, вконец разоренный этим сволочным перестроечным временем, а с ним шагает, пристраиваясь к ритму его шагов, маленький Севочка или Дениска, которым история уже отмеряет новый виток времени в третьем тысячелетии.

Так же, как Григорий, пройдя Первую мировую и гражданскую, не мог по характеру своему стать однозначно ни красным, ни белым, так же сынишка его Мишатка, из славного рода Мелеховых, не мог бы, я думаю, отсидеться от бурь, поджидающих и его и его народ, и, надеюсь, вернулся бы героем с фронтов в 1945-м. И вновь впереди были бы друзья и подруги Аксиньи и Натальи, генералы и чиновники. И вновь русский народ пробовал бы жить своей жизнью, по возможности обходя чужую для неё власть. Лишь изредка соприкасаясь с ней на праздниках и в дни тяжелых испытаний.

Вот и нынче, в мае 2005 года, жизнь донских казаков слегка взбаламучена этим парадным официозным юбилеем за закрытыми дверями и проволочными заграждениями.

Может, это и хорошо, что люди, искренне ненавидящие таких вольных казаков, таких вольных и яростных, непримиримых и мужественных русаков, как Михаил Шолохов и его герой Григорий Мелехов, вынуждены признавать их величие и становиться в почетный караул в память о них. Те, кто любит русского народного гения Михаила Шолохов, кто ценит великий русский народ, чтит его победы и скорбит по его поражениям, найдут возможность поднять свою чарку и помянуть Михаила Александровича Шолохова в любое время и в любом месте.

А Тихий Дон течет себе и течет. И казаки свято чтут наряду с Библией свой родной эпос "Тихий Дон". Оберегая память о великом писателе от всех грязных наветов. Вместе с ними память о Шолохове и его героях чтут и все русские люди. Он стал одним из подлинных символов русскости в её самом чистом возвышающем духовном смысле. Он сражался за Родину!